

Гости столицы в дни юбилея получат уникальный подарок — книгу-альбом «Душа Москвы». Ее составитель, писательница Лариса Васильева, отдавая должное москвоведению, утверждает новое направление — москвочувствование. Сигнальный том книги (весом три килограмма) оказался в эти дни в редакции. Что же чувствовала ее автор, пытаясь объять необъятное?

Известия — 1997 — 29 авг. — с. 6

Лариса ВАСИЛЬЕВА: Духовности в Москве много, душевности маловато

— Лариса Николаевна, было начало у Москвы, было начало и у вашей книги.

— Оно возникло неожиданно, с понимания, что ключ надо искать в ключе. В самой природе. Если бы не было небольшой реки, этих холмов, Юрий Долгорукий мог бы пройти мимо, и не было бы здесь Кремля.

Москва началась с ключа, маленького ручейка, который пробивается на границе Смоленской и Московской областей. Очень хочется, чтобы у истока Москва-реки, как и у истока Волги, когда-нибудь стояла церквушка или хотя бы какой-то природе и людям угодный знак.

— Сколько вы работали над этой книгой?

— Как говорят амбициозные люди, один год и всю жизнь. Мой муж Олег собрал небольшую, но очень качественную коллекцию книг о Москве: куда в доме ни глянь — везде она. Он говорил, обожди, вот будет 850-летие, мы книгу придумаем. Придумывать пришлось уже мне одной...

Идею книги мне подсказали Гоголь и Лермонтов. У Гоголя есть статья «Две столицы». Если Петербург — мужчина, то Москва — всегда женщина. Дух и душа — это разные понятия. Дух восходит к разуму, душа к чувствам. Дух — мужское начало, душа — женское. Потом я читаю у двадцатилетнего юнкера Лермонтова: «Москва не есть обыкновенный город, каких тысячи, не безмолвная громада каменной холодных, составленных в симметрическом порядке. У нее есть своя душа, своя жизнь».

И вот однажды на какой-то презентации Лужков у меня спросил: «Какой книги о Москве еще нет?» Я сказала: «К ней в душу никто не заглядывал». Так все и случилось.

— В истории Москвы вы обнаружили много мистического?

— Прежде всего невероятные вещи стали происходить со мной. Душа Москвы начала общаться, управлять и диктовать.

Ставлю хороший материал замечательного автора, а он не становится. Вдруг среди ночи не могу уснуть, беру с полки книгу Александра Вертинского или Алисы Коконен... И вижу там именно то, что надо.

Москва вертела мной, как тела.

— В вашей книге четыре раздела: судьба, любовь, характер, время. Но как разделить одно от другого?

— Отделить невозможно: они едины, но неслиянны. Нельзя не рассказать о построении Юрием Долгоруким города на холме. Там была кровь — все великие столицы не без крови восходили. И кончается (в книге) история нашим XX веком, взорванным и восстановленным храмом Христа Спасителя, расстрелянным и отстроенным Бельм домом.

Что насытило судьбу Москвы? Любовью она жила. Время уносит князей, царей, вождей, а Москва живет любовью.

— Веками народ веровал, что Москва во все времена оберегали святые.

— И я верую, поэтому мы включили рассказ о четырех главных иконах. Владимирская, по всем преданиям, когда-то спасла Москву, Казанская — смуту отвела, Иверская помогала каждому человеку. И Державная, таинственная, которая была обретена в Коломенском храме Казанской Богоматери в марте 1917 года, в день отречения Николая II.

— У каждого своя Москва. Но для каждого — это прежде всего город Александра Сергеевича Пушкина.

— Пушкин и Москва — это отношение матери и сына, старшего сына. Он говорит: утешься, мать градов России.

До сих пор спорят, где он родился — то ли на Молчановке, то ли на Басманной. Спорят и о том, кто построил Москву. Неопределенность в двух случаях роднит Пушкина и Москву: сын в матушку пошел. А Лермонтов... Это отношение Москвы с младшим сыном. Она его защищает. В 1837 году на Кавказе, куда его только что сослали за «Смерть поэта», Лермонтов пишет длинную, историческую поэму про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова: царь, герой, враг, идея-любовь, ради которой жизни не жалко. «Над Московью великой, златоглавою, над стеной Кремлевской белокаменной...» Тут древняя Москва защитила собой

своего младшего сына: он пишет вроде бы о Калашникове, на самом деле — о смерти Пушкина.

— Поэт и муза — это ведь тоже удивительная тема вашего сборника.

— Очень интересно размышлять о судьбе Есенина, Цветаевой и Маяковского в Москве. Хоть первый и писал «На московских изогнутых улицах умереть, знать, судил мне Бог», но Москва Есенина не убьет, он зачем-то поедет в «Асторию», где и погибнет в Ленинграде при таинственных обстоятельствах.

Марина Цветаева — московская, как и вся ее семья. В книге целая глава «Судеб касанье» цветаевская. Может быть, живи Марина в то время в Москве, а не в Елабуге, не пришло бы то решение. Память детства и семьи удержали бы ее от рокового шага.

Единственный из великих поэтов, кто застрелился в Москве, — это Маяковский, он выразил московское время больших перемен как никто другой. Овациями встречал Политтехинский все его словесные взрывы Кремля и плевки на Страстной монастырь... Москва не спасла.

В главе «Любовь» — самые яркие писатели. Стихи Владимира Соколова, последнего русского лирика, ушедшего в год 850-летия Москвы, расположились свободно. Не я, Москва так распорядилась.

— А вы где родились?

— Я в Харькове родилась, но это ничего не значит. Я с детства в Москве, и только сейчас она со мной разобралась.

В Москву из эвакуации я вернулась шестого сентября 1947 года. А седьмого был праздник — 800-летие города. И для меня Москва одно время была фейерверком, пока в день похорон Сталина я не оказалась на Трубинной площади.

В книге есть глава «Москвичи не по рождению», которые привнесли в Москву что-то свое. Может, москвич не сдал бы Москву. А Кутзов сдал. И победил.

И женщина Элла, Елизавета Федоровна, была глубоко не московской женщиной, и Марфо-Мариинскую обитель поставила немосковской. А Москва ее приняла. И Жуков никакой не москвич. И тоже у него непросто было с Москвой.

Теперь я знаю, что вещество Москвы — в Кремлевском холме, и оно делает с людьми, что хочет. В истории многое произошло потому, что ее творили не только люди, но и некая неведомая сила.

— Вы говорите о силе Кремлевских холмов. Но ведь Москва больше Кремля?

— Намного больше. В Кремле — власть всей России, а московская власть — на подступах к нему. В какие-то моменты они сочетаются, а в какие-то нет. Потому что интересы Москвы — это не всегда интересы России. Но если Москва чего-то не захочет, то власть в Кремле или потеряет себя, или сильно пострадает.

В конце книги есть прогноз одного из самых авторитетных астрологов Феликса Величко, там очень интересная мысль: Москва когда-нибудь, может, в 2008—2020 годах, потеряет свою силу как столица.

Административный центр России переедет в небольшой город, допустим, в Дмитров, который, кстати, основал Юрий Долгорукий. Это будет как Вашингтон—Нью-Йорк, Канберра—Сидней, Монреаль, Торонто—Оттава. Как душа Москвы захочет, так и будет. Теперь я это знаю.

— Лариса Николаевна, вы смелый человек. О Москве так много написано многими другими.

— Так моя миссия как раз в том, чтобы сегодня собрать золотые зерна не у многих других, а у великих.

Я была уверена, что мне много даст такой замечательный знаток Москвы — Гиляровский. Не совсем так оказалось. В его репортажах — много знания, москвоведения. В нашей книге, мне кажется, больше москвочувствования.

Эта книга никогда не состоялась бы, если бы не было информационного содружества «Атлантиды», издательского дома «Парус», поддержки правительства Москвы, многих и многих людей.

— Есть люди, которых книга не приняла?

— Да, я не хочу об этом говорить.

— Душа Москвы очень политизирована?

— От политики никуда не деться

во все московские времена, но не мое дело было судить. Мне надо дать почувствовать разное время.

Вот два человека — Ленин и патриарх Тихон, оба приехали в Москву с разницей в несколько месяцев. Один сделал Москву опять столицей, второй — после Петра I, возродил патриаршество.

Они жили в Москве, на расстоянии километра друг от друга. Один на Кремлевском холме, другой — на Троицком подворье. Они никогда не встречались.

И больше мы ничего не пишем. А что больше? Ленин населил Москву новым народом. Москва не принимала его, стреляла в него, но рассудить Ленина и Москву может только Бог, на которого он замахнулся.

— У Москвы были великие враги?

— Есть в книге такая глава «Самосожжение и салют». Наполеон уже стоит на Поклонной горе, перед ним златоглавая Москва. И кажется, что это все богатство — его. «Приведите мне бояр!» — распоряжается полководец. Он привык, что все столицы Европы сдавали ему ключи.

Кинулись искать бояр — нет. Привели каких-то оборванцев-иностранных. «Москва пуста». — «Как пуста? Это дикий народ», — недоумевает Наполеон. Начинается огонь. И этот человек ничего не понимает. Рушится то, на что он положил столько жизней и свое реноме полководца.

Москва, сгорая, побеждает, и через несколько месяцев начинает возрождаться, как Феникс. И так было десятки раз.

— Но Москва очень трудно возрождалась. Граф Ростопчин воровал деньги на ее восстановление.

— Воровали в Москве всегда. Я не касаюсь этой вечной болезни России, никого не вожу на допрос — в праздники делать это не совсем уместно.

Я много думала, как Петр выбрал новую столицу, на два века цари покинули Москву. Не Петр прорубил окно в Европу. Он прорубил окно из Европы в Россию — иначе вся Евразия тогда хлынула бы в Европу, но это случилось только сейчас.

Лариса Васильева.
Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

очень разная. Никуда от этого не деться.

Москва принимает — пожалуйста. Если не получается — это ваш вопрос. Она не виновата. Значит, не то принес. Начинаешь с автомобильных торгов, а они не получают. Москва не хочет. Хотя, надо сказать, москвичи она чаще прощает, чем провинциала. Любит избирательно.

— А что еще любит Москва?

— Как всякая столица — заимствования. Чем больше людей и идей, тем более ловко она это сортирует.

— А какие места в Москве ваши?

— Сейчас очень сложно. Теперь вся Москва мне близка. Но меня всегда тянуло на набережные — река притягивает. Когда ты приходишь в Москву, ты должен очень внимательно с ней познакомиться. Я всю жизнь с ней знакомилась, болела Москвой, с ума сходила по Москве. И только сейчас чувствую, что наступили с ней менее загадочные отношения.

— Вы стали кремленологом, выпустив книжки «Кремлевские жены» и «Кремлевские дети»?

— Наверно... Однажды, когда перехватило горло стихи писать, я перешла на прозу.

— Московских барынь Москва

терпела, но недолюбливала?

— Москва с женщинами была достаточно гуманна. Она очень принимала женское начало. Мне кажется, в Москве женщина может сделать больше, чем в некоторых других городах.

А с кремлевскими женами была жестокой не Москва. Время было немилосердным. Все кремлевские мужья упали с высоты и за собой жен потащили. Кто как упал — кто в лагерь, кто в смерть, кто в ненависть, кто в забытие. Разве можно позавидовать мучительной судьбе большевистской царицы Надежды Крупской? Или Надежды Аллилуевой?

— Лариса Николаевна, как у всякой вашей работы, у «Души Москвы» могут появиться и горячие поклонники, и энергичные недоброжелатели.

— Возможно. Это женская точка зрения на Москву, но кто сказал, что большая половина человечества не имеет на это права?

— А у вас есть претензии к сегодняшней Москве?

— Нет, что вы! Кто я — и кто Москва? Есть наблюдение. Духовности у нас много. Душевности маловато. Вот поэтому я и пробовала осилить этот нелегкий труд.

Ядвига ЮФЕРОВА,
«Известия»